

— То-то и оно, что никто не носит, это мундир солдата, которого предали, — отрезал Корчак тоном, не допускающим возражений.

Он снял его только год спустя, вняв настойчивым просьбам друзей, доказы-

вавших, что он подвергает опасности не только себя, но и детей. Во всяком случае, стоит вспомнить о том, что он был в годы оккупации последним офицером, носившим мундир Войска Польского.

Перевод с польского Э. ГЕССЕН

БЕЛ КАУФМАН

Письмо покойному учителю

Дорогой мистер Сток!

Наверно, Вы не вспомнили бы меня, даже если бы еще были живы. В 512-й классной комнате Саутсайдской средней школы Ньюарка (штат Нью-Джерси), где Вы преподавали нам английский и литературу, я сидела позади всех в третьем ряду. Вы поставили мне самую высокую отметку и минус за невыученный урок.

Вы предложили нам написать в классе сочинение о героине одного из романов Томаса Харди (видимо, о Тэсс?), а я забыла прочесть роман, который Вы задали нам читать на дом. Застыгнувшая врасплох, я принялась с лихорадочной поспешностью строчить что-то свое: описала молодую женщину; комнату, в которой она сидит; косой луч света, падающий сквозь высокое окно; руки женщины, сложенные на коленях; мысли, которые бродят у нее в голове. Я ждала провала, позора и — самое страшное — Вашего разочарования. Вместо этого Вы поставили мне минус за невыполненное домашнее задание и высшую оценку — за творческую самостоятельность. «Это не героиня Харди, — размахисто написали Вы красными чернилами под моим творением, — но свою собственную ты изобразила очень реально».

Пораженная, преисполненная благодарности, я поверила в себя, в свои возможности. Вы поддержали меня.

А я нуждалась в поддержке. Я была робкой, застенчивой девочкой-подростком, чересчур впечатлительной, чересчур иноземной. Английский я выучила совсем недавно и говорила еще скованно, с трудом. Завитки волос длинными колбасками свисали мне на лопатки — это в эпоху короткой стрижки «под фокстрот» и прилизанных локонов на висках! Мне позволяли лишь слегка подкрашивать губы бледной помадой — тогда в моде был алый рот в форме лука Купидона! Как я мечтала о тонких каблукках и серых, с отливом, шелковых чулках! Как страстно я желала, чтобы у меня были выщипанные брови, галюши с отворотами, макинтош с цветными буквами — инициалами мальчиков, сами мальчики!

С момента, когда я двенадцатилетней девочкой приехала в Америку, и вплоть до того времени, когда, перескакивая через младшие классы, достигла того возраста, когда переходят в среднюю школу, я постоянно была самой старшей ученицей в классе, которую спрашивали в последнюю очередь и которой уделяли меньше всего внимания. Я была пустым местом, нулем.

По-моему, Вы сами не ведали, что Вы для меня сделали, мистер Сток. Ведь мы, учителя, чаще всего не знаем, на кого нам удалось повлиять, каким образом и почему. Вы отметили не недостатки мои, а достоинства. Впервые я вдруг поняла, что нечто, созданное моим воображением, может быть реальным для кого-то другого. Удачи педагогики каким-то образом связаны с этим «впервые», с этим восторгом открытия: «Эврика!» «О, понимаю! Вижу!» — будь то новая планета в небе или буквы алфавита, вдруг складывающиеся в слово.

Другие учителя обращались с нами иначе. Один имел обыкновение молча, с поджатыми губами ставить аккуратную единицу в зловещий черный кондуит. Другой — его класс был дальше Вашего по коридору — любил с тонким сарказмом и во всеуслышанье разбирать все наши прошлые проступки, упирая на то, что последний переходит уже всякие границы.

По правде говоря, я помню лишь очень немногих моих учителей. Учитель латыни заставлял нас сидеть неподвижно, положив руки на парту и глядя прямо перед собой. Это называлось «поддержанием дисциплины». А учитель истории присаживался на подоконник, болтал ногами и пытался подкупить нас фальшивой панибратской манерой.

Вы же исходили из одного простого факта: если урок интересен, мы будем внимательны. Мы были более чем внимательны. Мы жаждали, чтобы урок тянулся подольше, потому что Вы умели в нужный момент поставить неожиданный провоцирующий вопрос «Почему?», ко-

---

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

торый переворачивал вверх дном весь наш беспорядочный багаж заранее составленных мнений и заставлял нас думать еще долго после того, как прозвонит звонок. Вы не пытались подладиться к нам, понравиться нам Вы никогда не держались с нами по-приятельски. Вы были учителем. Вы внушали к себе абсолютное уважение. И благодаря тому, что Вы с уважением относились к себе и к нам, мы могли уважать себя.

Через решето памяти выборочно просеиваются... Нет, Вам эта фраза явно не понравилась бы. «Слишком литературно, — сказали бы Вы. — Простота сильнее». Поэтому я только расскажу, как однажды Вы остановились у моей парты и тихо спросили: «Не идет дело? Не знаешь, как начать?» Я кивнула — и начала. В другой раз Вы сказали, что у меня характерный почерк. Или Вы назвали его своеобразным? Я уже не помню. Неважно. Важно другое как много это для меня значило. Перескочив через младшие классы, я, естественно, перескочила и через пальмеровский метод обучения письму с помощью овалов и линий, вследствие чего мой почерк был иным, чем у моих одноклассников. А он, оказывается, х а р а к т е р н ы й — подумайте только!

Впрочем, Вы каждого заставляли почувствовать собственную особенность. Как-то раз Вы привели нам шекспировские строки:

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты?¹

Я знала, что Вы имеете в виду меня. И каждый из тридцати четырех учеников в классе знал, что это — о нем.

Когда кто-нибудь из нас возвращался в класс после длительного отсутствия, Вы говорили: «Нам тебя не хватало». Когда кто-нибудь не был готов к уроку, Вы укоризненно качали головой: «Очень жаль, мы надеялись услышать твое мнение». Когда кто-нибудь опаздывал, Вы исходили из того, что опоздание вызвано уважительными причинами, о которых незачем спрашивать. Вы держались с нами на равных, как со взрослыми, и поэтому — на Ваших уроках — мы и ощущали себя взрослыми. «Избегайте казуистики» — могли сказать Вы, считая само собой разумеющимся, что мы либо знаем это слово либо заглянем в один из нескольких словарей, которые всегда были разложены здесь и там в Вашем классе. Мы лезли в словарь. Потому что Вы считали нас порялочными людьми, пунктуально посещающими занятия, добросовестно приготавливающими домашние задания, честно, без подглядывания пишущими контрольные работы, преданными учебе и ответственно относящимися к своим гражданским обязанностям. — мы и были такими. Были!

¹ У Шекспир, сонет 84, перевод С. Я. Маршак.

Для Вас. Вы действительно верили в это — вот в чем все дело. Вы были искренни, прежде чем это слово попало под подозрение; терпимы, прежде чем это слово превратилось в клише. Подростки чувствуют фальшь. Дети и те, кто любит, всегда умеют отличить истинное от поддельного. Подсунуть Вам что-нибудь второсортное, какую-нибудь низкопробную поделку — это было совершенно немислимо. Только теперь я понимаю, какие огромные требования Вы предъявляли к нам.

Не могу ясно припомнить Вашу внешность; кажется, Вы были невысокий и полный. Но зато я помню раскаты смеха в классе. Вы никогда бы не унизились до того, чтобы потешать класс за чей-нибудь счет или развлекать нас шутками, однако живо подмечая все нелепое и смешное, Вы делились этим с нами.

И еще Вы делились с нами своими литературными пристрастиями. «Послушайте-ка вот это!» — говорили Вы, энергичным движением открывая книгу. Вы не стыдились показать, что стихотворение трогает Вас, не боялись употреблять такие слова, как «прекрасное». Принц Хэл, гордо вышагивающий рядом с Фальстафом; Лир, бредущий по вересковой степи; Гэтсби, слушающий музыку, которая звучит над темной водой, — даже сегодня, перечитывая эти пассажи, я слышу Ваш голос и снова вижу исписанную мелом классную доску, вылинявший рекламный плакат с видом Швейцарских Альп, большие часы с круглым циферблатом, доску объявлений с обычными тогдашними объявлениями: КЛУБ ПОЭЗИИ. ДРАМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК... ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР...

То были дни кружковых занятий после уроков (мы называли это «культурным обогащением»), учебного энтузиазма, школьных праздников и ежегодного альбома выпускников с расположенными в алфавитном порядке фотографиями белых (за исключением одной девушки-негрятки), благополучных, аккуратно причесанных подростков и такими подписями под ними: Чтение развивает человека или: Планы на будущее — колледж и университет.

В те далекие дни учителя были для нас (а для меня, недавно приехавшей из Европы, тем более) людьми особенными, необыкновенными. Помню, как шокирована я была, заметив однажды утром, что у моей учительницы алгебры спустилась петля на чулке, как у какой-нибудь простой смертной. То были дни, когда «полной тишины» требовали даже на пожарных учениях; когда отпросившемуся с урока в туалет выдавался большой деревянный пропуск, свисавший на веревке с шеи, как чуело альбатроса; когда каждую пятницу школьники маршировали колонной по два на священную цер-

монию общего сбора, чтобы принести клятву верности флагу, торжественно, под звуки слегка фальшивящего горна, вносимому почетным караулом (из числа лучших из лучших): мальчиком в белоснежной рубашке с синим галстуком и двумя девочками по бокам в белых матросках и синих юбках, которые замирали по стойке «смирно». То были дни не только «полной тишины», но и полного послушания, когда плохая отметка за поведение могла сокрушить провинившегося, когда жевание жевательной резинки в классе считалось серьезным нарушением дисциплины, когда сказать учителю «Заливает!» было неслыханной дерзостью.

То были дни нашей наивной чистоты, и я вспоминаю их с ностальгией, особенно теперь, особенно будучи учительницей.

— А что вы думаете? — спрашиваю я моих учеников с Вашими интонациями.

— Откуда я знаю? — пожимает плечами мальчик. — Я же не учитель!

— Зачем это вам? — спрашивает другой. — Чтобы записать мою фамилию?

— Мы плохие! — вопит девочка, перекрывая шум голосов. — С нами никто ничего поделаться не может!

Я предлагаю ученику найти слово в моем настольном словаре. Он своим ушам не верит: «Вы что — шутите?» И тут до меня доходит, что за все школьные годы он так и не научился читать.

Я вызываюсь помочь ученице написать сочинение и прошу ее задержаться после уроков. «Ну нет, я не останусь, — отвечает она. — В квартале, где я живу, того и гляди убьют или изнасилуют».

Миниатюрная смуглая девочка молча сидит на последней парте. Ее родной язык — испанский, английский дается ей плохо. Вспомнив себя в ее возрасте, я осторожно кладу руку ей на плечо. Она, рассердившись — или, может, испугавшись? — резко сбрасывает мою руку.

Дорогой мистер Сток, я часто думаю, каково бы Вам пришлось в сегодняшней городской средней школе, где учителя превратились в заклятых врагов учеников (в большинстве своем — разгневанных черных и разочарованных пуэрториканцев, с самого дня рождения обрекаемых на участь неудачников), которые ведут против нас повседневную войну. Я пытаюсь представить Вас на уроке в известной мне школе, одной из худших в Нью-Йорке, где перепуганные учителя делают вид, будто ничего не замечают, а беспомощные администраторы обрушивают на них поток инструкций, рекомендующих запирать двери и окна и лучше следить за своими кошельками. Где в вестибюле дежурят полицейские, на лестницах курят марихуану, в залах отнимают у слабых деньги, в уборной избивают. Где нередки случаи разбоя, бессмысленного разрушения, поджо-

га и кое-чего похуже. Где уповают больше всего на новейшие и усовершенствованные защитные средства: мощные диопередатчики, которые учителя должны носить на себе; электромагнитные дверные замки; сигнальные сирены размером не больше авторучки; посты наблюдения по внутренней системе телевидения.

Но ведь Вы не знаете, что такое телевидение, да? Или что такое «схватить кайф»? У нас, мистер Сток, возник целый лексикон новых значений, которых не найдешь ни в одном из Ваших учебных словарей Ребенок, обалдевший от «травки», — это совсем не обязательно участник загородной экскурсии; «чайек» — это не только напиток; «безопасность» означает присутствие полицейских; «конфронтация» — это драка; «демонстрация» — бесчинства и беспорядки.

И Вы не узнали бы старую доску объявлений: объявления, написанные по-испански; объявления, сообщающие о занятиях для лиц африканского происхождения, о курсах излечения наркомании; не узнали бы Вы и классную доску, на которой детская рука вывела мелом надпись: «Долой белых свиней — учителей!»

Вы поражены? Эти дети имеют законные основания для недовольства. Сегодня они, по крайней мере, могут высказываться, сердиться и протестовать, вместо того чтобы неподвижно сидеть за партами, устремив глаза вперед.

«Учителя держатся слишком уж неискренне и повелительно», — письменно формулируют они свои жалобы — конечно, с чудовищными ошибками.

«У нас бессмысленная учебная программа! Зачем учить математику, когда есть компьютеры?»

«Церемонии приветствия флага на общем сборе запретили, потому что у нас нет ни свободы, ни справедливости, а теперь пусть запрещают и общий сбор, раз они не могут справиться с беспорядками!»

«Дисциплинка становится хуже и хуже».

Все изменилось, мистер Сток, и мир стал иным. Это мир коррупции в высших сферах, полетов на Луну, нищеты и загрязнения среды на Земле. Наш учительский авторитет, как никогда раньше, ставится под вопрос, и, как никогда раньше, подвергаются сомнению наши педагогические методы. Мы сталкиваемся с проблемами беспримерной трудности, которые не нами были созданы, и поэтому поистине достижением бывает, когда мы, по горло занятые патрулированием коридоров, наблюдением за порядком в туалетах, предупреждением беспорядков и писанием отчетов в трех экземплярах, в промежутках иногда ухитряемся всеми

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

правдами и неправдами, идя на хитрости и уповая на удачу, еще и учить.

Чему учить? Чему бы Вы стали учить, мистер Сток, ребенка, который признается Вам: «В моей семье такое творится, что мне придется куда-нибудь смываться»? Какие «планы на будущее» могут быть для школьника, который написал: «О моем будущем лучше не говорить»? Что бы Вы стали задавать на дом девочке, которая вот-вот станет матерью, мальчику, который не может жить без наркотиков? И как бы реагировали нынешние ученики на Вашу негромкую речь, учтивую и доверчивую манеру? Может, стали бы жульничать за Вашей спиной? Или подняли бы на смех? Или прыгнули бы ножом на лестнице?

Неужели такие учителя, как Вы, и впрямь вымерли?

Я предложила моим ученикам закончить фразу: «Когда-то у меня был учитель (учительница), который (которая)...», припомнив что-нибудь положительное, что-то такое, что имело для них значение. Вот что они дописали:

«...не была предубежденной: когда она прислала меня о чем-нибудь по-хорошему, я это делала».

«...не заставлял меня чувствовать себя болваном, если мне не давался предмет; он видел во мне человеческую личность, а не судил по отметкам».

«...не просто болтал языком, а говорил искренне».

«...была такой же черной, как и я, и это нас уравнивало».

«...когда я был маленьким и учился в начальной школе, отдал мне в пургу свой шарф, а он был из стопроцентного кашемира».

«...этот сумасшедший учитель считал меня умнее, чем я был на самом деле, так что мне и приходилось быть умнее».

В этих строках, мистер Сток, заключен мой ответ. Наверно, я всегда знала его, потому что в своем письменном сто-

де я храню дорогую мне рождественскую открытку. На ней изображен слон-циркач в красной жилетке с подписью: «Я НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЮ». А ниже карандашом добавлено: «Я тоже. Когда я вернулся в класс после ареста, Вы не стали спрашивать, за что меня забрали, а сказали: «Входи, пожалуйста» и дали мне чистую тетрадку. Не забывайте меня, пожалуйста, если можно. Ваш никогда, никогда не забывающий ученик Рей».

Вам бы нелегко пришлось сегодня, мистер Сток, но, по-моему, Вас бы это не устало. Вы не стали бы делать вид, будто ничего не замечаете, не стали бы «просто болтать языком». Вы с каждым ребенком обходились бы как с человеческой личностью. И что бы там ни было, Вы все равно ожидали бы, что Ваши ученики станут стараться изо всех сил и раскроют лучшие качества, которые имеются у них, — не у героев Харди или кого бы то ни было еще, а у них самих, какими бы эти лучшие качества ни были.

Учителя, подобные Вам, не умрут, куда есть дети, которые в один прекрасный день смогут сказать: «Когда-то у меня был учитель...» Быть может, как раз сейчас кто-нибудь где-нибудь говорит это об одном из нас. В этом — наше бессмертие.

Дорогой мистер Сток, я предалась воспоминаниям о прошлом, желая показать Вам, как не похожи сегодняшние школы на прежние, но, вижу, получилось-то у меня самое настоящее признание в любви к Вам. Что ж, бывают времена, когда признаться в любви просто необходимо, пусть даже любовное письмо так никогда и не будет отправлено. Ваша никогда, никогда не забывающая ученица Бел Кауфман.

Перевод с английского В. ВОРОНИНА